

Лэсю увидела, что меч Ло Шуюй больше не опускается, и в ту же секунду бессильно осела на землю, жадно хватая ртом воздух. Только что она была полна отваги, но теперь её охватил запоздалый страх.

Меч Ло Шуюй действительно источал грозную мощь и убийственную ауру. Лэсю решилась броситься наперерез лишь потому, что поставила на характер противницы: она была уверена, что та не причинит вреда невинному.

Все в мире знали, что последователи пути бесстрастия неподкупны и прямолинейны. С ними лучше не вступать в бой, иначе, пока один из противников не падет, схватка не прекратится.

— Ох, ну что за никчемность этот Хун! Даже с культиватором на начальной стадии закладки фундамента справиться не может!

Лань Яньцзяо стоял в толпе и, глядя на остолбеневшего Хун Сяньюя, едва сдерживал гнев. Как может быть таким бездарным практик на стадии закладки фундамента, чтобы проигрывать тому, чей уровень ниже его собственного!

Ю И бросил испуганный взгляд на женщин-практиков, чьи полные ярости взоры были устремлены на них, и тихо прошептал:

— Молодой господин, говорите потише!

Никто не ожидал, что Ло Шуюй за один лишь бой соберет столько поклонниц. И каким бы избалованным отпрыском ни был Лань Яньцзяо, ему совсем не хотелось ловить на себе взгляды этой толпы женщин, чьи глаза, казалось, вот-вот начнут светиться красным.

— Отступаем, отступаем, живо! — нетерпеливо бросил он и, подпрыгивая на одной ноге, поспешил прочь. Ю И и остальные охранники со слугами поспешно последовали за ним.

Хотя во втором туре Ло Шуюй вновь оказалась в центре внимания, первое место досталось не ей, а выглядевшему несколько заторможенным юноше. Люди вокруг называли его Мэн Юйчжи.

Ло Шуюй стояла в толпе прошедших отбор и наблюдала за этим парнем на арене: он улыбался так простодушно и искренне. Когда его поздравляли, он с трудом выговаривал слова благодарности, спотыкаясь на каждом слоге, словно ему требовалось произнести спасибо дважды, чтобы закончить фразу.

В голове у Ло Шуюй внезапно мелькнула мысль. Ей показалось, что этот человек ей до боли знаком. Где она его видела? Быть может, знала лично или слышала о нем от других?

— Господин Ло! — окликнул её кто-то сзади, прервав раздумья.

— В дальнейших состязаниях я уже не смогу составить вам компанию, как жаль, — Юй Соян почесала затылок, смущенно улыбаясь, но держалась при этом легко и непринужденно.

Во втором туре она не продержалась и четверти часа, будучи сбитой с ног порывом клинкового ветра, и теперь была сплошь покрыта ссадинами.

Ло Шуюй слегка кивнула. Солнечные лучи пробивались сквозь кроны деревьев, ложась пятнистым светом на её изящный профиль и окутывая нежным золотистым сиянием. Легкий ветерок шевелил пушок на её щеках, придавая облику трогательную, почти детскую чистоту.

Юй Соян на миг замерла, оцепенела, и лишь когда злобные взгляды окружающих стали настолько тяжелыми, что их невозможно было игнорировать, она прикусила губу и пришла в себя.

Третий тур был испытанием стойкости духа. Если сердце практика неустойчиво, он рисковал навечно застрять в Зеркале искушений.

После второго тура из тысячи участников осталось лишь триста. Ожидалось, что в третьем туре отсеется две трети, а в четвертом — еще половина, вплоть до пятого, финального этапа.

За попадание в десятку лучших полагалась награда, но Ло Шуюй не собиралась участвовать в финале. Она планировала найти меч Шоуюй и заключить с ним контракт — место в турнирной таблице её больше не интересовало.

А уж если говорить о стойкости духа, то вряд ли найдется кто-то, чей разум был бы тверже, чем у последователя пути бесстрастия.

Триста человек сидели на арене, скрестив ноги. Вокруг не было ни души из зрителей, а над головами парило зеркало, переливающееся всеми цветами радуги — прославленное в мире бессмертных Зеркало искушений, артефакт небесного ранга.

Как только зеркало активировалось, все участники погрузились в пучину иллюзий. Ло Шуюй же, проведя во тьме всего минуту, мгновенно пришла в себя.

Она взглянула на парящий сверху артефакт, поднялась, отряхнула полы одежды и невозмутимо покинула арену.

Мастера, наблюдавшие за происходящим через камни наблюдения, проводили её полными одобрения взглядами.

— Достойна пути бесстрастия, — промолвил мужчина средних лет, бросив взгляд на сидящего напротив Тайхуа. — И истинная ученица достойного наставника.

Старейшина Гильдии алхимиков согласно кивнул:

— Эта девочка поистине одарена. В будущем её ждут великие свершения. Тайхуа, у тебя достойная смена.

— Верно, — раздался ленивый голос. — Испокон веков еще не было ни одного последователя пути бесстрастия, который показал бы плохие результаты. Знай я раньше, что этот путь столь могущественен, сам бы пошел по нему.

Старейшина Гильдии алхимиков рассмеялся:

— У правителя домена сейчас есть и красавица-жена, и сын, жизнь удалась. Боюсь, путь бесстрастия вам не подойдет. А если ваша супруга услышит такие слова, боюсь, что... ха-ха-ха!

Лань Куанкуан ничуть не смутился последней фразой, напротив, с гордым видом произнес:

— И то верно. Не каждый практик способен принять бесконечное одиночество.

Его слова вызвали дружный смех, и лишь Тайхуа, слегка скосив глаза, молча поднялся и ушел.

Когда он скрылся, старик с редкой бородкой недоуменно заметил:

— С чего это Тайхуа стал так пекся о выступлении своего младшего ученика? Когда его старший ученик участвовал в состязаниях, он даже не появлялся, а сейчас не пропустил ни одного боя младшего.

Лань Куанкуан легонько постучал пальцем по камню наблюдения и усмехнулся — в этой улыбке было столько лукавства, что все невольно уставились на него.

— Вы еще не догадались? — он указал пальцем на изображение Ло Шуюй на камне. — У этого щенка еще нет меча-души. А что за приз ждет в последнем туре состязаний Цюсюэ, как вы думаете?

Присутствующие просияли, осознав истину. Старик с бородкой нахмурился:

— Вот оно что. Но это ведь невероятно сложно. Меч Шоуюй обладает скверным нравом, подчинить его почти невозможно. Справится ли девчонка?

Меч Шоуюй был древним запечатанным небесным клинком. У него было два хозяина, и каждый из них был легендарным гением мира Цаньюй.

Станным было лишь то, что оба гения бесследно исчезли, и никто не знал, как и почему они погибли. А после смерти второго владельца клинок стал проявлять злой нрав и нападал на любого, кто осмеливался приблизиться.

Никто не мог подойти к нему, а значит, и заключить контракт. У Гильдии мастеров артефактов не оставалось выбора, кроме как сделать его особым призом последнего тура: кто способен, тот пусть и пытается. Но если меч убьет претендента, Гильдия ответственности не несет — ведь каждый шел на это добровольно.

— Кто знает, увидим, когда придет время, — Лань Куанкуан потянулся. — Ладно, пойду проведаю своего неженку-сына. Боюсь, как бы он не ушибся или не поранился. Ох, вы не представляете, как я, отец, переживаю каждый день.

— ...

— ...

Все присутствующие надолго замолчали. Лань Куанкуан был помешан на своем сыне, он словно боялся, что мир не узнает о его существовании. Кого бы он ни встретил, везде звучало: мой нежный сын, мой драгоценный сын, мой озорной сын. Все были уверены: если когда-нибудь в мире бессмертных Лань Яньцзяо будут считать никчемным слабаком, неспособным даже поднять тяжесть, то виноват в этом будет исключительно Лань Куанкуан.

Хотя... если честно, они все равно завидовали ему!

Для практиков их уровня иметь потомство было так же сложно, как вознестись на небеса. Если бы у них был сын, они бы не просто рассказывали об этом каждому встречному — они бы расклеили миллиарды объявлений по всему миру Цаньюй, чтобы оповестить всех и каждого!

<http://bllate.org/book/18886/1844737>